

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЕЙШИЕ ТРУДЫ ЮГОСЛАВСКИХ УЧЕНЫХ ОБ ЭПОСЕ

Вновь—в который уже раз за полтора столетия—фольклористика переживает полосу необычайного внимания и интереса к южнославянскому эпосу. В разных странах выходят переводы и исследовательские труды. Только в последние годы одна за другой появилось несколько монографий—на английском, немецком, итальянском языках¹. В нашей стране изданы недавно две большие антологии по сербскому эпосу, причем одна из них (1963 г.) сопровождается фундаментальным исследованием². В программе Международного симпозиума, посвященного Вуку Караджичу (Белград, 1964 г.), значительное место заняло обсуждение проблем народного эпоса. С этими проблемами связаны многие доклады на ежегодных конгрессах фольклористов Югославии. Тема славянского эпоса—одна из основных фольклорных тем в программе IV и V Международных съездов славистов.

Новейшая югославская научная литература по народной эпике столь обширна и разнообразна, что пополняется столь интенсивно, что дать сколько-нибудь полный и обстоятельный ее обзор весьма затруднительно—поневоле приходится сосредоточить внимание на наиболее характерных явлениях и попытаться выявить ведущие тенденции и ближайшие перспективы работы.

Фольклористика социалистической Югославии унаследовала от XIX—первой половины XX в. большие традиции в изучении, собирании и издании памятников эпического творчества. Труды Вука Караджича, открывшего для Европы сербский эпос и заложившего основы научного его понимания, а затем исследованиями В. Ягича, Т. Маретича, Т. Джорджевича, М. Мурко, Др. Костица и многих других внесен значительнейший вклад в разработку сложных проблем генезиса, истории, жанровой сущности, исторического содержания, поэтики и техники эпоса южных славян. При всем том, ни одна из этих коренных проблем не может считаться в наши дни решенной; время заставляет многое пересматривать и решать заново; все новые факты входят в поле зрения ученых и, что особенно важно, старые проблемы подвергаются пересмотру в связи с общим движением науки, с новыми открытиями в области теории и истории мирового народного эпоса, с совершенствованием научной методики, с дальнейшим развитием сравнительно-исторического анализа произведений фольклора.

В югославской фольклористике были долгое время сильны позиции исторической школы. Работа по идентификации исторических лиц и событий в эпосе, по установлению непосредственных «летописных» источников отдельных произведений велась с большой интенсивностью в течение десятилетий. Нельзя сказать, чтобы результаты таких разысканий в их совокупности оказались эффективными; прояснению проблем историко-эпического порядка они, во всяком случае, не очень способствовали. Похоже, что современная фольклористика Югославии теряет постепенно интерес к такого рода исследованиям, их становится все меньше; последние по времени принадлежат недавно умершему Ст. Бановичу, одному из видных представителей сербско-хорватской исторической школы.

¹ А. В. Lord, *The Singer of Tales*, 1960; М. Вгаun, *Das serbokroatische Heldenepos*, 1961; V. Morpurgo, *La celebre poesia «Smrt Vojke Jugovića»*—ed. altre due canzoni popolari serbo-croate, Firenze, 1965.

² «Сербский эпос», тт. I—II. Составление, вступительная статья и примечания Н. И. Кравцова, М., 1960; «Эпос сербского народа», издание подготовил И. Н. Голнищев-Кутузов, М., 1963.

Проблемы отношения эпоса к исторической действительности ставятся теперь более широко, выводятся за пределы летописных соответствий, разрабатываются с учетом художественного своеобразия эпической поэзии. Прежний подход к эпосу с позиций традиционно понимаемой историчности мешал, в частности, верно разобраться в сложном и многообразном составе известной эпики, нивелировал качественное своеобразие отдельных ее разделов. Между тем, подобно эпосу других народов, южнославянский эпос знает разные типы историзма и произведения его отмечены различной степенью конкретности. В этом отношении большой интерес представляет новейшая антология эпических песен, изданная в серии «Пять столетий хорватской словесности». Весь второй том этой антологии составлен из песен сказочного, мифологического и новеллистического содержания. В специальной заметке М. Бошкович-Стулли указывает на шаткость прежних делений всей эпики на циклы, когда в основу классификации клались внешние моменты — имена героев или события, с которыми песни были, якобы, связаны. Из-за этого большие и интересные отделы эпики, не соответствовавшие историко-героической доминанте, оставались в тени. М. Бошкович-Стулли показывает значительность и художественную ценность «неисторических» отделов и убедительно обосновывает внутреннюю принадлежность входящих в них песен к эпосу³.

Но и первый том антологии, который включает, по словам составителя, «историческую эпiku», весьма наглядно демонстрирует разнородность и многообразие историзма этих песен. Здесь явно преобладают произведения, соотносить которые с хрониками не имеет никакого смысла и которые построены на вымышленных сюжетах.

Традиционные представления о жанровом и сюжетном составе, о циклах, о национальных группах южнославянской эпики, очевидно, требуют основательной критической проверки. В этом смысле показателен доклад В. Джаковича («Классификация и терминология эпической поэзии») на XII Конгрессе фольклористов Югославии, участником которого был автор этой статьи. Докладчик подверг критике устоявшийся взгляд на эпическую поэзию народов Югославии как на единое целое, а также привычную общую классификацию этой поэзии, которая, по мнению докладчика, учитывает преимущественно сербский эпос. В. Джакович выдвинул тезис о том, что надо говорить отдельно об эпической поэзии сербской, хорватской, македонской, черногорской и об остальных словенской и строить научную классификацию также отдельно.

Здесь, безусловно, еще много предстоит исследовать, выяснить и сопоставить. Характерно, что авторы упомянутой выше антологии исходят из убеждения в единстве эпической поэзии (как и фольклора в целом) сербов и хорватов и разделению югославского материала по национальному признаку придают условный характер. Эпос по своим основным особенностям был единым, «о он мог различаться и различался по составу. Действительно, полное сопоставление всего сюжетного состава песен, изданных, скажем, Матицей Хорватской, с содержанием сборников Вука Караджича показывает немалые различия, которые не всегда позволяют распределить весь материал по обычным циклам.

В центре внимания современных исследователей — конкретные вопросы истории эпической поэзии. Интересны, в частности, последние работы о Косовском цикле.

В издании Матицы Сербской вышла книга Светозара Матича⁴. Здесь собраны многочисленные статьи заслуженного югославского фольклориста, печатавшиеся на протяжении ряда лет и сведенные теперь в несколько тематических разделов. Центральными в сборнике являются статьи, в которых пересматривается вопрос о времени и месте возникновения косовских песен. Споры вокруг «возраста» этих песен ведутся давно. Ранее высказывались соображения (с разной аргументацией) об их относительном позднем характере. С. Матич, основываясь на текстологическом анализе песен и историографических исследованиях, доказывает, что многочисленные записи косовских песен восходят, за единичными исключениями, к текстам Вука Караджича. Песни, записанные в свое время на территории Соема или от певцов, связанных со сремской эпической традицией, и напечатанные Вуком, возникли, по-видимому, здесь же в XVIII в. под влиянием роста патриотических настроений. Косовская тема возродилась в Среме, когда сюда перевезли из сербской Раваницы тело князя Лазаря — героя Косовской битвы 1389 г.

Статьи, содержавшие эту гипотезу, вызвали полемику уже в момент их появления. В частности, с возражениями фактического и принципиального порядка выступил П. Банашевич. В сборнике С. Матича отражены отдельные моменты дискуссии, ученый постарался в ответах своему оппоненту найти дополнительные аргументы. Однако похоже, что парадоксальная теория С. Матича не будет принята большинством исследователей. Историки эпоса предпочитают рассматривать Косовский цикл как органическую составную часть югославянской эпической традиции, сложившуюся задолго до XVIII в.

³ «Narodne epske pjesme», I (Priredio O. Deiorko), II (Priredila M. Bošković-Stulli), Zagreb, 1964. См. также: M. Bošković-Stulli, Sijež narodnih bajki u hrvatsko-srpskim epskim pjesmama, «Narodna umjetnost», I, Zagreb, 1962.

⁴ С. М а т и ч, Наш народни еп и наш стих, Матица Српска, 1964. *

В ряду новых исследований этого рода особенно надо отметить содержательный доклад Бранислава Крстича на III Конгрессе фольклористов Югославии о возникновении и развитии песен о Косовской битве⁵. Основываясь на различных письменных источниках и поздней устной традиции, автор с большим искусством восстанавливает фазы истории косовских лесен, начиная с середины XV в., когда в записках Куринешича и сочинения Константина Философа впервые появляются отзвуки косовской легенды, и вплоть до того времени, когда косовские тесни из сборника Вука Караджича вновь стали возвращаться к живой практике народных певцов. По заключению Б. Крстича, в течение четырехсот пятидесяти лет песня о Косовской битве, возникнув по живым следам событий, развивалась, кое-что теряла, еще больше (Приобретала аавого, приспособлялась к различной среде, но в своем главном содержании сохранялась. Исследователь вполне убедительно показал проявившуюся в данном случае непрерывность развития художественной традиции, прочность традиционных поэтических связей. Одновременно он еще раз продемонстрировал плодотворность фольклористического анализа песенных реминисценций в составе литературных источников; эта сторона работы Б. Крстича представляет безусловный методический интерес для советских ученых — историков литературы и фольклора Древней Руси.

Косовскому песенному циклу посвящены и некоторые другие новейшие работы, в которых содержатся ценные материалы — факты и конкретные наблюдения по истории этого цикла. Отмечу давно ожидавшуюся публикацию текстов из сборника А. Милетица (1778—1781), среди которых находятся самые ранние фольклорные записи песен о Милоше и о Мусиче Стефане⁶.

Назову также статьи Н. Любинковича, которые содержат ценную аргументацию в пользу того, что косовские песни принадлежат старой эпической традиции и существовали во всяком случае уже в XV веке. Сюда же примыкает доклад Т. Джувича о первых источниках и развитии косовской легенды (на III Конгрессе фольклористов Югославии)⁷.

Один из крупнейших зарубежных знатоков южнославянского эпоса А. Шм-аус, автор многочисленных исследований по истории мусульманской эпикн (в (1953 г. в Загребе вышла его книга «Студии о Крайневој епике»), прочитал на X Конгрессе югославских фольклористов доклад о Милоше Обиличе — герое косовской легенды и одновременно — герое народной истории⁸.

Целям исторического изучения ранних этапов эпической поэзии народов Югославии несомненно послужит антология ранних записей народных песен⁹. По сравнению со старым сборником В. Богишича, в антологии меньше текстов, но она составлена тщательно и с большим вкусом. Читатель найдет здесь и прославленные тексты бугаршиц П. Гекгоровича, Ю. Барковича, П. Зринского, и менее известные, и вообще не публиковавшиеся до сих пор тексты. В книге приведены необходимые сведения об источниках, о собирателях; жаль только, что сами тексты не соотнесены с вариантами, известными по записям XIX—XX вв.

«Вукова песня о Бановиче Страхине представляет, без сомнения, одну из прекраснейших наших народных песен, может быть и самую прекрасную—одна из тех «драгоценных камней», которые Вук «счастливой рукой извлек из глубины народной души», как с одушевлением сказал Миклошич сто лет назад». Этими словами открывается новый фундаментальный труд Р. Меденицы, посвященный монографическому исследованию песни о Страхине и круга песен, с ней сюжетно близких¹⁰.

Можно без преувеличения сказать, что сюжету о Страхине больше всего повезло в югославской науке. В 1930-е годы, например, ему посвящались десятки статей, горячие споры велись вокруг «последних стихов» песни, в самом образе Страхины некоторые искали выражение сокровенных качеств национальной психологии и т. д. Во всем этом было немало односторонних преувеличений и субъективизма.

⁵ Б. Крстич, Лостанак и развој народних песама о Косовском 'боју, «Треби Конгрес фолклориста Југославије», Цетиње, 1958.

⁶ В. Милетић, Епске народне песме у зборнику Аврама Милетића, «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», кн. ХП/1, 1964.

⁷ Н. Ђубић, Олисе коеовског боја код турског историчара Муле Нешрије и наше народне коовоке песме, «Гласник Музеја Косова и Метохије», Приштина, 1961; его же, Да ли су религиозни елементи у КОСОВСКОЈ легенди о кнезу Лазару настали у XVIII в. у Срему, «Ковчежић», кн., 6, Београд, 1964. и др.; Т. Ђукић, Први извори и развој косовске епике у стварању епонеје о Косову, «Треби Конгрес фолклориста Југославије», Цетиње, 1958.

⁸ А. Schmaus, Miloš Obilić u narodnom pesništvu i kod Njegoša, «Рад Х Конгреса фолклориста ЈугоМаВНје», Цетиње, 1964.

⁹ «Народне песме у записима XV—XVII века. Антологија», избор и предговор Мирослава Пантича, Београд, 1964.

¹⁰ Р. Меденица, Бановић Страхин'а у кругу варш'аната и тема о невери жени у народној епике, «Српска акадeмичка наука и уметности. Посебна издања. Одељење литературе и језика», кн. 14, Београд, 1965.

Р. Меденица, один из авторитетнейших знатоков южнославянского эпоса, принимает изучение обширного круга лесен — с сюжетом о Страхине в центре, амея в виду историко-фольклорные задачи более общего порядка. Он справедливо полагает, что лишь на основе подобных монографических исследований можно выработать ясные представления о проблематике южнославянской эпики в целом и о ее месте в истории мировой словесности.

Здесь нет возможности вникать во все богатое содержание книги Р. Меденицы; она требует специального и обстоятельного разбора. Отмечу лишь отдельные принципиальные положения исследователя и наиболее существенные выводы. Автор вполне справедливо, на мой взгляд, считает, что «доминантный элемент» эпической песни — не исторические имена героев и не факты, которые могут быть объяснены из хроники, а «мотив», т. е. выраженное в относительно устойчивых поэтических формах конкретное и богатое содержание песен, которое в первую очередь и подлежит изучению.

Автор исследует множество вариантов, группирует их по версиям, подвергает каждую версию социологическому и историко-психологическому анализу, видя в этих версиях реальную жизнь народной эпики. Решающую роль в создании версий и в их судьбе он придает певцам — их творческой работе, характеру их дарований и направленности интересов. В связи с этим для советского читателя несомненный интерес представит сформулированный Р. Меденицей следующий тезис: «Народная песня есть художественно оформленное коллективное выражение народного духа», но его следует понимать как «намерение отдельных лиц поднять на высшую ступень стремления, идеалы и взгляды своей среды и придать им общий, коллективный смысл» (стр. 89).

За отдельным вариантом автор видит певца — с характерными для него интересами, вкусами, поэтическими склонностями; но за певцом, по понятиям исследователя, стоит определенная историческая среда. Несомненно, что в убеждениях автора есть существенные точки соприкосновения с «русской школой» в изучении эпоса, в частности — с исследованиями А. М. Астаховой. Однако автор, видимо, недостаточно знает работы последних десятилетий о русском эпосе, поэтому даже его фактические сведения по отдельным конкретным вопросам неполны.

Истоки эпических сюжетов, по убеждению Р. Меденицы, лежат в реальной действительности. Отчасти поэтому он в большинстве случаев отводит выводы миграционистов о зависимости южнославянских песен от иностранной эпики, считает эти выводы поспешными и односторонними. Сравнительные параллели интересуют Р. Меденицу более как дополнительный материал для уяснения конкретного исторического содержания произведений южнославянского эпоса. Наблюдения автора еще раз подтверждают важность и перспективность типологического изучения сходных эпических сюжетов. Однако сам автор не склонен вести углубленные исследования в этом направлении, он не использует возможности сравнительно-типологического анализа для убедительного восстановления и объяснения различных этапов истории эпических произведений. Поэтому его сравнительные экскурсы, сильные в критических аспектах, содержат мало позитивного. К тому же сравнительный материал привлекается в книге далеко не в полном объеме. Русские параллели, например, берутся из ограниченного числа источников.

Р. Меденица не отказывается от исторических идентификаций, однако не придает им особого значения. В истории эпических произведений он видит два главных этапа. Вначале песня возникает и существует как «общественная хроника»; затем она «переходит в мотив», в ней возобладает собственно поэтическое начало. Вот этот второй этап, с которым связаны сложные и длительные художественные процессы, более всего интересует автора. Что касается первого этапа, изучение которого требует реставрации и реконструкции песен, то автор ограничивается в большинстве случаев лишь отдельными соображениями. Сильная и наиболее плодотворная сторона его исследования состоит в анализе того живого художественного процесса, который закреплен в известных реальных текстах и который выражает отношение певцов — этих конкретных носителей коллективного творчества — к хранимому и развиваемому ими улическому наследию.

Относительно поздний период истории южнославянского эпоса составляет предмет монографии С. Назечина¹¹. Автор исследует обширный раздел народных песен, связанных в своем возникновении и содержании с борьбой гайдуков близ Дубровника в XVI—XVII вв. Работа сараевского профессора основывается на большом круге документов, многие из которых впервые вводятся в науку; это позволяет ему воссоздать живую историческую атмосферу, в которой рождалась гайдуцкая эпика, найти прототипов для песенных героев, соотнести песенные мотивы с реальным бытом, со своеобразной гайдуцкой этнографией. Автор, однако, видит связи гайдуцких песен с действительностью в более глубоких и опосредствованных аспектах. Особенное внимание он уделяет песням, которые не согласуются с ходом событий, с обстоятельствами, как

¹¹ S. Nazečić, Jz naše narodne epike. I dio. Hajdučke borbe oko Dubrovnika i naša narodna pjesma (prilog proučavanju postanka i razvoja naše narodne epike), Sarajevo, 1959.

они предстают перед историком. В результате устанавливается, что гайдуцкие дерни, в большинстве своем будучи связаны генетически с определенными событиями и лицами, проходили быстрый процесс деисторизации, характер которого был обусловлен в первую очередь вкусами и творческими наклонностями певцов. Интересны соображения исследователя о том, как постепенно гайдуцкие песни освобождались от мотивов случайного, исторически проходящего порядка и в них на ледовый план выдвигались и получали развитие идеи, отражавшие сущность гайдучества как формы борьбы крестьянина против феодальных порядков. Постепенно народная песня исключила все, что напоминало о разбойной, грабительской стороне гайдучества, все, что было неприемлемо в нам с точки зрения народной морали, подняла его на высоту народной идеализации — в границах, какие допускало «реалистическое сознание певца» (стр. 226).

Книга С. Назечича вносит много нового в изучение гайдуцкого фольклора — темы, которая в последнее время интенсивно разрабатывается на материале других славянских и балканских народов также учеными Болгарии (Цв. Романюка), Чехословакии (В. Гашиарикова), Советского Союза (П. Г. Богатырев).

Осмывая выводы исследователя, касающиеся характера историзма гайдуцких песен, мы должны еще раз подчеркнуть, насколько важно для современной науки основательно разобраться в жанровом составе южнославянской эпики, произвести историческую дифференциацию ее, выявить принципиальные различия в отношении отдельных песенных групп к действительности, проследить, как по-разному проявляются в них законы эпического творчества.

В последние годы вновь оживилась работа по изучению научного наследия в области южнославянского эпоса, по разработке историографических, источниковедческих и текстологических вопросов. Переиздано собрание песен Вука Караджича в четырех томах; издание подготовлено крупными специалистами-филологами Р. Алексицем, П. Банашевичем, В. Джуричем, В. Латковичем и С. Матичем (1953—1958). Сейчас в Сербской Академии наук ведется работа над подготовкой научного полного издания фольклорного наследия Вука. Проблемами текстологии и систематизации фольклора занимается Комитет по изданию корпуса народных песен¹².

Появился ряд работ о Вуке Караджиче как собирателе, издателе и исследователе сербского эпоса — Н. Банашевича, Г. Добрашиновича, В. Лажовича, Ж. Младеновича, Д. Недельковича, М. Поповича; в журналах последних лет помещены публикации архивных материалов, статьи и обзоры в связи с широко отмечавшимся юбилеем великого сербского просветителя¹³. Надо надеяться, что вся эта многосторонняя, основанная на большом числе фактов работа приведет к созданию научной истории фольклористики в Югославии: потребность в таком фундаментальном труде давно ощущается всеми, кто интересуется эпосом народов Югославии.

Современное состояние и перспективы развития эпоса в социалистической Югославии живо занимают фольклористику. Ряд публикаций и обзоров касается местных эпических традиций. Эти работы, как правило, основываются на большом фактическом материале, добытом в экспедициях. Можно отметить здесь обстоятельные обзоры Д. Бутурович и Л. Симич из Боснии и Герцеговины, Н. Мартиновича из Черногории, А. Ршумовича, В. Николича и Д. Недельковича из Сербии (Титово Ужице) и др.¹⁴.

Югославские фольклористы ведут большую работу по публикации и изучению устного творчества периода народно-освободительной борьбы и революции. Им удалось собрать факты, свидетельствующие о роли старого эпического наследия в этот период и о создании новых эпических песен, воспевавших героев борьбы с фашизмом¹⁵.

Эпическая традиция в отдельных местах страны еще не угасла, творчество гусяров обнаруживает подчас некоторые живые тенденции, они используют форму эпического десетера для создания новых произведений. Однако еще неясно, можно ли говорить здесь о широком и устойчивом процессе. Очевидно, что общий закон угасания народного эпоса действует и в Югославии. Можно понять стремление ученых осмыслить сложную диалектику этого явления, но вряд ли осуществляются прогнозы об орга-

¹² О деятельности комитета см. статью В. М. Иовановича в «Гласнике САН», шь. IX, св. 3, 1958.

¹³ См., например: М. Поповић, Вук Стеф. Каранџић. 1787—1864, Београд, 1964; Д. Неделькович, Вук фольклорист у културној револуцији нашег доба, «Народно стваралаштво. Folklor», св. 9—10, Јагуар — април, 1964; Банашевић, Ранџа и НОВЈа наука и Букови погледи на народну епiku, «Прилози за књижевност, језик, историку и фолклор», кн. 30, 1963, св. 3—4; Ж. Младеновић, Вук као редактор народних песама, «Ковчежић», кн. дрва, Београд, 1958.

¹⁴ Эти и другие работы по дайной теме можно найти в соответствующих томах «Рада» конгрессов фольклористов Югославии, в номерах «Гласника Земальского музеев» (Сараево) и др.

¹⁵ Читатель найдет многочисленные материалы в сборниках фольклора НОВ, в докладах на VIII Конгрессе Союза фольклористов в 1961 г., в журнале «Народно стваралаштво» и др.

ническом соединении старых эпических традиций с новым социалистическим искусством в условиях нынешнего развития общества и его культуры.

Во всяком случае, заслуживает глубокого внимания и сочувствия принципиальная позиция югославских фольклористов по отношению к певцам эпоса — не просто как к хранителям уходящей старины, но как к мастерам-представителям современного народного искусства, связанным в своем сознании и творческой деятельности с большими общественными преобразованиями в стране¹⁶.

В непосредственной связи с изучением различных проблем народной эпики находится занятия народной балладой, которые в последнее время становятся все интенсивнее. Это и понятно, если учесть недостаточную разработанность балладных проблем, а с другой стороны — их важность для уяснения существенных моментов истории эпоса. В целом. Югославским ученым предстоит провести значительную и нелегкую работу по выделению баллад из состава эпических и лиро-эпических песен, по их общей жанровой характеристике, внутрижанровой классификации, историческому анализу, по установлению принципиальных соотношений между балладами и другими группами эпики. Один из особенно сложных вопросов — о балладах в форме развернутой эпической песни (соответствующих, окажем, русским былинам-балладам). Пока что в большинстве имеющихся работ югославская баллада трактуется как «малая» эпическая или, чаще, лиро-эпическая форма, как разновидность «женских» песен.

Существенный вклад в изучение этой баллады внесли работы последних лет О. Делорко, Т. Чубелича, З. Кумер, недавно умершего старейшего словенского фольклориста И. Графенауера, М. Бошкович-Стулли, В. Жганца. Это преимущественно статьи и доклады о жанровых особенностях баллады, об отдельных произведениях и балладных мотивах, о некоторых характерных моментах в истории развития жанра. Для понимания того, в каком направлении ведутся исследования, некоторое представление может дать дискуссия о балладе, состоявшаяся на V Конгрессе фольклористов в 1958 г. В докладе «Баллада в народной словесности» Т. Чубелич попытался определить общие черты народной баллады, а затем дифференцировать европейскую балладу по региональным группам к охарактеризовать общие черты югославянской баллады, классифицировать ее состав по сюжетно-тематическому признаку. М. Бошкович-Стулли подчеркнула, что границы между балладами и песнями эпическими и лирическими со стороны содержания не всегда определены и что в основу разграничения этих песен должны быть положены признаки стиля и структуры.

Большое внимание в докладах было уделено также музыкальным особенностям баллад (В. Водушек, В. Жганец, Ц. Рихтман)¹⁷.

Примером современного монографического исследования одной баллады на основе анализа всех национальных вариантов я с привлечением обширного сравнительного европейского материала может служить книга З. Кумер¹⁸. У исследований этого рода есть уже своя традиция, и многое в новой книге — по методике, по овладению материалом, по значительности и обоснованности выводов как частного, так и общего порядка — является хорошим продолжением этой традиции. Новое, что вносит словенская фольклористка, — это соединение анализа поэтического содержания с анализом музыкальных особенностей баллады. З. Кумер выступает представителем того направления югославской фольклористики, которое ищет пути и способы комплексного изучения народной поэзии. Нельзя не видеть плодотворности такого подхода к балладам.

В югославской науке, как, впрочем, и во всей славянской фольклористике, заметно оживляется интерес к проблемам сравнительного изучения эпоса. В прошлом здесь были довольно сильные традиции миграционизма. Можно напомнить, например, о трудах белградского профессора Н. Банашевича, в которых доказывалась генетическая зависимость основных сюжетных циклов югославянского эпоса от европейских источников. В последнее время миграционная теория не получает поддержки, выводы Н. Банашевича встречают критические возражения и просто несогласие. Характерно, что

¹⁶ Основополагающие методологические статьи по этим вопросам принадлежат академику Душану Недельковичу. См., например: Д. Неделькович, *Problem narodnog stvaralastva danas*, «Народно стваралаштво. Folklor», sv. I, januar 1962; см. также его три статьи об этапах перехода коллективного в индивидуальное и обратно и о критериях этого перехода, там же, св. 2—6, апрель 1962 — январь 1963.

¹⁷ См. «Рад Конгреса фолклориста JugoslaVnje у Јаг'ечару и Неготину», Београд, 1960. См. также: О. Делорко, *O nekim našim narodnim pjesmama s novelističkim osobinama*, «Narodna umjetnost», knj. I, 1962; И. Николић, *Мотив о смрти Омера и Мериме у сръжохрв-атсио' народној' поезији*, «Прилози за књижевност, језик, историку и фолклор», кн. 24, 1958, св. 3—4; Х. Поленаковић, *О народној' песији «Бишана платно белеше...»*, «Рад VII-ог Конгреса Савеза фолклориста ЈугослаVние у Охриду 1960 године», Охрид, 1964; К. Пенушдски, *За малешевските балади*, «Современост», 1965, № 5, 7, Скопје.

¹⁸ Z. Kumer, *Balada o nevesti detomorilki*, «Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede», Dela 17, Institut za slovenske narodne pesnje, 6, Ljubljana, 1963.

автор уже знакомой нам книги о Башвице **Отразите** не разделяет взглядов Н. Банашевича на причины сюжетного сходства песен югославских с песнями других народов. В ряде случаев он считает вообще сильно преувеличенными высказанные в свое время (в том числе и русским ученым, сторонником теории заимствования, М. Халанским) утверждения о таком сходстве. Можно заметить, что сам Р. Меденица не дает ответного ответа на вопрос об источниках сюжетного сходства.

Однако нельзя ограничиться критикой миграционизма, поскольку ато не решает проблемы. Любопытна точка зрения Н. Банашевича на современные задачи сравнительного изучения, высказанная им в обстоятельной рецензии на известный доклад В. М. Жирмунского на IV Международном съезде славистов¹⁹. Югославский ученый признает, что сходство в фольклоре может иметь типологический характер; не стоит противопоставлять, считает он, один аспект сравнительного изучения другому, выбор аспекта зависит от темы, от материала. Однако, несмотря на эти оговорки, Н. Банашевич направляет основной пафос рецензии на то, чтобы доказать преобладающую роль заимствования и обосновать плодотворность миграционной теории. Здесь он допускает явную несправедливость в отношении сторонников типологического изучения фольклора, упрекая их в том, что они вольно или невольно сужают масштабы научного исследования и становятся, так сказать, на путь более легкий и простой. По его мнению, исследования миграционного характера — «намного более трудное дело, так как в таких исследованиях число проблем для решения много выше, чем когда устанавливается а объясняется типологическое сходство» (стр. 198).

Между тем, «установление» типологического сходства и его «объяснение» — вовсе на конечные цели сравнительно-типологического исследования фактов. Перед учеными обосновавшим типологическую природу сходства, открываются необычайно сложные и увлекательные перспективы изучения истории отдельных сюжетов, циклов, жанров, изучения, которое может привести к открытию важных закономерностей фольклорного процесса.

Эти возможности, которые открывает методика сравнительно-типологического изучения, пока еще мало используются югославскими учеными. Преобладают работы, посвященные отдельным моментам связей южнославянского эпоса с фольклором соседних народов. Здесь надо отметить содержательную работу М. Ибровица об отношениях сербской и новогреческой поэзии, в том числе эпической²⁰. Систематизируя многочисленные факты сходства, которое далеко выходит за пределы сюжетных соответствий, автор не делает поспешных выводов о конкретных источниках художественной общности. Он справедливо считает необходимым сравнительное изучение поэзии других балканских народов, которые жили в сходных жизненных условиях.

Отношения сербско-хорватского и албанского эпоса посвящены последние работы Н. Любинковича и Д. Мичовича²¹. И в этих исследованиях преобладают не столько традиционные поиски путей заимствования сколько вполне конкретное выяснение особенностей национальной эпик, обращенной к одним темам.

В плане общеметодологическом большой интерес представляет статья М. Бошкович-Стулли²². В ней содержится критический обзор работ по сравнительно-историческому изучению народной поэзии, преимущественно в той их части, которая относится к южнославянскому фольклору. Автор признает плодотворность применения сравнительно-типологической методики, в связи с чем подробно разбирает основные положения доклада В. М. Жирмунского. М. Бонжович-Стулли справедливо отмечает опасность априорного, основанного на предвзятых схемах и расходящегося с реальными фактами подхода к проблемам типологической общности, ратуя за конкретный исторический анализ совокупности возможно большего материала. С другой стороны, на отдельных примерах автор показывает несостоятельность поверхностных, механических сопоставлений сходных мотивов (примеры она берет из работ миграционного характера). В статье предлагаются ценные соображения о том, как обеспечить научно обоснованное и объективное сравнительное изучение югославянского эпоса. Статья М. Бошкович-Стулли представляет хороший материал для продолжения дискуссии по 9там вопросам. Приведу в заключение ее слова о ближайших задачах югославских фольклористов в разработке этих вопросов: «Между югославскими фольклористами еще не исчезло полностью несогласие по поводу сути сравнительных исследований. Для их осуществления, которое удовлетворило бы современным научным требованиям,

¹⁹ «Прилози за књижевност, je3HK, историју и фолклор», кт. XXV, св. 3—4, 1959. го р/ и б р о в а ц, Сродност ерпске и новогрчке народне поезије, «Rad Kongresa folklorista Jugoslavije u Varazdinu», Zagreb. 1959.

²¹ N. Ljubinković, Poreklo motiva nošenja glave posle pogubljenja u jednoj šiptarske pesmi o Kosovskom boju, «Glasnik Muzeja Kosova i Metohije», IV—V, Priština, 1960; Д. Мийовић, О арбанашким песмама с мотивом узи/иван/е, «Рад Конгреса фолклориста Југославије у Заједару и Неротину», Београд, 1960.

²² М. Бошкович-Стулли, Hrvatskosrpska narodna književnost u svjetlu nekih komparativnih proučavanja, «Naiodna umjetnost», knj. 2, Zagreb, 1963.

целью которых было вы установление единых закономерностей и общих явлений в фольклоре, путей и границ заимствования, конкретных форм общих фольклорных традиций нескольких народов, региональных изменений и творческих переделок, какие возникают в ходе миграции сюжетов и Мотивов, так же как и формул и других выразительных средств и т. д. — прежде всего необходима весьма обширная предварительная работа; только при систематизации и классификации материала могут быть осуществлены надежные и полные сравнительные исследования» (стр. 61).

Можно лишь пожелать югославским фольклористам успехов в этой их работе, результаты которой будут иметь значение для сравнительно-исторического исследования всего славянского эпоса.

Б. Путилов

НАРОДЫ СССР

Э. В. Померанцева. *Судьбы русской сказки*. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, М., 1965.

История народного поэтического творчества продолжает оставаться одной из актуальных проблем, волнующих современную советскую и прогрессивную зарубежную науку.

Попытки охватить исторический процесс развития народного творчества в целом и наметать его периодизацию, предпринятые в начале 1950-х годов, сменились в работах последнего десятилетия настойчивым изучением истории отдельных жанров народной поэзии. За истекшее десятилетие советская наука обогатилась исследованиями о героическом эпосе, причитаниях, исторической песне на раннем и более позднем этапе ее развития, о песне бытовой и т. д.

В русле этих исследований должна рассматриваться и рецензируемая книга о судьбах русской сказки, которой за последние годы уделялось меньше внимания. Э. В. Померанцева поставила целью изучение сказки, начиная с XVIII в. и до настоящего времени.

Книга состоит из введения, пяти глав, каждая из которых посвящена определенному периоду (гл. I — Русская сказка в XVIII в.; гл. II — Русская сказка в первой половине XIX в.; гл. III — Русская сказка в пореформенную эпоху; гл. IV — Русская сказка в начале XX в.; гл. V — Традиционная русская сказка в устах советских сказочников), и Заключение, где формулируются общие выводы исследования. Главы не одинаковы по объему и содержанию, что объясняется наличием и объемом материала сказки в разные периоды (скупные записи, подвергавшиеся нередко литературной обработке в XVIII — и начале XIX века, богатый материал второй половины XIX — и, особенно, XX столетия), но отчасти и общей установкой исследовательницы, изучающей не отдельные виды или сюжеты сказок в их изменении от XVIII в. до современности, но главным образом стремящейся воссоздать ту общую картину, которая возникает в результате интенсивного собирания и исследования русской сказки за последние сто лет. Задачу свою автор книги видит в изучении тех процессов, которые происходят в жизни жанра за это время и тех закономерностей, которыми эти процессы обусловлены.

Разрешая поставленную перед собою задачу, Э. В. Померанцева достигла несомненного успеха. Залогом его явился богатейший материал сказочных текстов, старательно выделенных из книжных источников XVIII в., число которых исследовательнице удалось расширить (сборники С. Друковцева, Е. Хомякова и др.), из собраний начала XIX в., фольклорных сборников последующих периодов и рукописных хранилищ, в том числе и архива МГУ 1946—1960 гг., созданного при активном участии самой исследовательницы. Большое значение имело также прекрасное знание автором условий и характера бытования сказки в устной традиции различных областей и районов РСФСР, которые неутомимо обследовались ею на протяжении тридцати с лишним лет.

Изучение всех этих источников позволило нарисовать полную, верную картину жизни русской сказки в традиции XIX—XX вв. Удачно сочетаются в книге наблюдения над характерными явлениями жизни сказки в той мере, как они проявились в массовом бытовании ее и в исполнительской манере отдельных сказочников, типичных выразителей мировоззрения крестьянской массы того или иного периода (Новопольцев, Богданов, Ковалев). Помимо основной задачи, в книге Э. В. Померанцевой затронуты и некоторые другие, важные для современного сказковедения вопросы, например — типологической общности и национальном своеобразии отдельных сюжетов сказки. Изучение его на материале разных видов и образов сказки могло бы многое открыть в истории жанра в целом. В данной книге анализируется один только сюжет — «Николя-Дупленский», А. № 1380 (Введение, стр. 13—18), причем исследовательницу инте-